

Экран и сцена
1998. - нояб.-дек. (№ 46)
- 9/6

Михаилу Глазскому — 80

Взрослый день молодого человека

Инна Чурикова

С Михаилом Андреевичем Глазским нас свела особо дорогая для меня картина "В огне брода нет". Он замечательный, добрый, теплый человек и удивительный актер. В фильме он сыграл Фокича — яростного, одержимого идеями большевизма комедианта санитарного поезда. Незабываемы его глаза, светившиеся жгучим пламенем. И в то же время это был человек, любящий людей и так нежно относящийся к моей героине Тане Теткиной. Заканчивался съемочный день, и нам открывался еще один дар Михаила Андреевича — дар искусного кулинара. Он все время старался нас подкормить, попотчевать домашним. У себя в номере Глазский накрывал стол, сам готовил каждый раз что-то необыкновенно вкусное. И гостиничный номер становился хлебосольным домом, где всем было хорошо. Общаться с Михаилом Андреевичем одно наслаждение. Он, человек чрезвычайно остроумный и все тонко подмечающий.

Известно, что общая работа, дело очень сближают, связывают людей. И мы с Глебом Панфиловым почувствовали в Михаиле Андреевиче родственную душу. Он актер с огромной внутренней силой. Чувствуется мощная личность — творческая и человеческая. Помню, как эта его способность достигать высокой температуры актерского существования помогла на съемочной площадке мне и моей героине. Мне кажется, Фокич — это одна из самых блистательных ролей Глазского.

От всего сердца поздравляю Михаила Андреевича с юбилеем, точнее с днем рождения, потому что возраст его и не чувствуется. Да он и ни при чем. Всякий раз, когда я его встречаю, то вижу обаятельного, интересного мужчину, которому хочется нравиться.

Ирина Мирошниченко

Редкие фильмы, спустя время, сохраняют современность взгляда, звучания. Поэтому я всегда боюсь смотреть старые картины. Но вот в честь юбилея Михаила Андреевича Глазского телевидение показало нашу картину "Пришел солдат с фронта". Она произвела на меня сильное впечатление своей проникновенностью, особым стилем, желанием уйти от шаблона. И конечно же, прелестной игрой моих коллег-актеров. Это даже не игра. Такая степень достоверности, что кажется на экране сама жизнь. И тут невозможно не сказать отдельно о Михаиле Андреевиче Глазском. О его актерской манере — скупой, но очень трепетной. Об интеллигентности и благородстве, которые всегда с ним. Без нашего солдата дяди Вани актерский багаж самого Михаила Андреевича Глазского был бы неполон, но и мы намного беднее без таких, живущих для других людей. Благодарна судьбе, что в нашей жизни был этот фильм.

Наталья Гвоздикова

Мне не довелось пока сниматься с Михаилом Андреевичем, но несколько лет я была в экзаменационной комиссии ВГИКа. Как-то Михаил Андреевич сказал, что набрал таджикский курс и доверительно добавил, что даже не знает, как будет с ними работать — ведь они по-русски говорят плохо. Прошло какое-то время и мы с Евгением Жариковым оказались на экзамене. Меня просто поразило, что все на курсе замечательно заговорили по-русски. Более того, они свободно играли русскую классику. Он, безусловно, отдает студентам очень много сил, возится с ними, как со своими детьми. Заботится и во время учебы и дальше, стараясь участвовать в их дальнейшей творческой судьбе.

Вообще, за каждое дело он берется, обстоятельно подготовившись, — будь то выступление, работа в жюри фестиваля или в Союзе кинематографистов. Я всегда очень рада видеть его. Но хотелось бы поработать вместе. И если уж не суждено встретиться на съемочной площадке, то хотя бы на эстраде. Например, в такой программе, как "Товарищ кино", в которой мы с Михаилом Андреевичем принимали участие.

Вадим Абдрашитов

Говорить о Михаиле Андреевиче Глазском могу только в самых превосходных степенях. Счастье, что удалось поработать с ним над фильмом "Остановился поезд". Мы долго искали исполнителя на роль Пантелеева, пока не вышли на него. Его герой — воплощение суровой правды, он ответствен за свое дело, чувствуешь его боль за все происходящее вокруг. И ему веришь абсолютно, поскольку обеспечено это личностью актера, самого Михаила Андреевича.

Он чрезвычайно серьезно относится к своему делу. Очень много дает молодым актерам. Человек удивительно ответственный. Достаточно напомнить, что он в течение многих лет возглавлял в Союзе кинематографистов комиссию ветеранов. Работа эта, честно говоря, адская. И выполнять ее так мог только человек, истинно любящий людей, подлинный альтруист. Если бы было побольше таких, как Михаил Глазский! Ведь он необычайно веселый, остроумный, деликатный человек. Если мне предлагают принять участие в какой-то делегации или просто куда-то поехать, я прежде всего узнаю — будет ли там Глазский. И если да, обязательно еду. Хотелось бы еще раз поработать с ним.

Поздравляю Михаила Андреевича с юбилеем. Желаю ему здоровья, радости, работы и денег.

Материалы подготовила
Наталья БАТАЕН

Антиюбилей

Марина ГАЕВСКАЯ

"Как мир меняется, и как я сам меняюсь", — такими стихотворными строчками начал Михаил Андреевич Глазский свой юбилейный вечер в театре "Школа современной пьесы". И тут же эти слова обрели не только философски-обобщенный, но вполне конкретный смысл. Актер менялся на глазах, преображаясь в своих театральных персонажей, и в то же время наделяя каждого из них чертами собственной личности. Общность его столь разных героев стала особенно очевидна, когда они соединились в этом импровизированном бенефисе.

Михаил Глазский, конечно же, прежде всего, киноактер. И хотя он выходил на сцену еще в самом начале своей артистической жизни, именно как киноактера его знают и любят миллионы. Но в последнее время появление на театральных подмостках стало для него таким же привычным и естественным, как и на съемочной площадке. Кстати, театр не так уж часто принимает актера кино как своего. Бывшие вгиковские студенты Михаила Андреевича, пришедшие поздравить своего мастера, даже разыграли шутовскую, но одновременно печальную сценку на тему киноактерской невостребованности, в том числе и на театральных площадках. Приход же на сцену Глазского произошел, словно без каких-либо видимых усилий с его стороны, таким он казался органичным и закономерным.

Вторым сценическим рождением Михаила Глазского после продолжительного перерыва можно считать его появление без малого четверть века назад в спектакле театра "Школа современной пьесы" "Уходил старик от старухи" С.Злотникова. Мария Миронова и Михаил Глазский играли двух пожилых людей, у которых привязанность друг к другу соединилась с грузом некогда невысказанных взаимных обид. В юбилейный вечер актер, подхватив

реплику партнерши, прозвучавшую с магнитофонной пленки, сыграл финальную сцену один. Одержимого идеей толстовского ухода старика мучает мысль о необходимости совершения поступка, способного оправдать его существование и дать ответ на нерешенные вопросы. Но он не хочет брать в расчет, что этот поступок убивает близкого человека, посвятившего ему жизнь. Фанатик, преданный своему делу и высоким идеям, он одновременно и несправедливый, черствый эгоист, осознанно или нет, но совершающий предательство. Прав ли он, избрав этот странный уход во имя подтверждения верности своих идей? Сам герой Глазского уверен, что прав. Хотя во многом он сомневается, и мучается от чувства стыда, от осознания бессмысленности содеянного ранее. Он мечется и страдает, но с беспечной жестокостью еще больше заставляет страдать того, кто рядом.

За этой театральной работой не замедлили появиться следы юбилейные. И в день рождения Михаил Глазский привел в "Школу современной пьесы" "гостей" — героев, сыгранных им в спектаклях других театров. Мудрого философа — старца Зосиму из современниковской версии романа Ф.Достоевского, названной "Карамзовы и ад", с его размышлениями о божественном и земном, о духовном и плотском, о человеческой гордыне и смирении, об искушениях ада и противостоящих им высших силах. И еще одного философа, только более многого, доступного. Лукавого рассказчика, незаметно вовлекающего слушателей в свое плавное, размеренное повествование, — горьковского Луку.

Начался же этот минибенефис с монолога Сорина из "Чайки" А.Чехова, премьеры кото-

рой состоялась в "Школе современной пьесы" буквально на днях. Сорин Глазского не тот "человек, который хотел", а теперь смирился, поддался хандре, подчинился старости. Напротив, он активен и энергичен. Пассивная тоска чужда его натуре. Этот Сорин не столько жалует на несостоявшуюся жизнь, сколько обвиняет себя, раздражаясь от собственной былой неуверенности и покорности судьбе. Он кажется полным сил и способным еще осуществить многое.

Позднее юбилея, закончившего бенефисную часть вечера словами поэта: "Мне славы тлен без интереса...", торжественно препроводили в "парадную" ложу. Но задержался он там недолго. Очевидно, роль виновника торжества, важно принимающего поздравления, не в его вкусе. Не прошло и десяти минут, как Михаил Глазский вновь оказался на сцене. К тому же на этом настаивал и переполненный зал. И был совершенно прав. Без непосредственного участия юбилея процедура поздравлений вполне могла превратиться в очередную скучноватую-парадную церемонию. Реакция же Глазского начисто лишила вечер монотонной размеренности и уж тем более официозности. То есть были, конечно, и правильные телеграммы и адреса от всевозможных союзов и организаций. Были серьезные и справедливые слова об интеллигентности, порядочности, требовательности Михаила Глазского, о его неизменном чувстве меры, правды и самоиронии. Их произносили люди разных возрастов и профессий, но в первую очередь коллеги: Лидия Смирнова, Алексей Баталов, Владимир Этуш, Олег Табаков, Евгений Колобов, Валентина Талызина, Семен Фарада, Татьяна Васильева, Евгений Двор-

жецкий, Владимир Стеклов, Лев Дуров. Однако юбилей всегда тактичными, но шутливыми ответными репликами и ироническими замечаниями в свой адрес останавливал какие бы то ни было попытки возвести его на пьедестал. Моментально включался в любую игру, предложенную его друзьями и коллегами.

В результате, юбилейный вечер больше напоминал импровизированный концерт, объединенный одним главным героем. В его честь звучали песни и романсы, в том числе известный шлягер, уморительно "исполненный" медведицей Машей Гималайской, с успехом замещавшей Машу Распутину. "Политическое трио" — Краснов, Федотов, Лившиц с истинным азартом пропели злободневные куплеты. Александр Абдулов прислал в подарок огромный "торт" из воздушных шаров. А в финале зажглись свечи на настоящем торте.

Завершая вечер, Михаил Глазский произнес слова академика Сретенского из знаменитого "Монолога", несколько изменив их в соответствии с ситуацией. Поблагодарив за все добрые пожелания и похвалы, сказанные в его адрес, Сретенский-Глазский напомнил о существующей "инерции восторгов и похвал" и заявил, что "сбрасывает восемьдесят процентов этих восторгов и похвал" и по-прежнему ставит перед собой вопрос: "А могу ли я называться человеком искусства?" Многие герои Глазского задают себе подобные вопросы. И быть может, эти вечные сомнения как раз то, что привносит актер в свои роли от себя. Его вневозрастная неуспокоенность, способность иронически взглянуть на себя со стороны, — это то, что трудно сыграть, как нельзя сыграть интеллигентность, как невозможно притвориться Личностью.

● Михаил Глазский, 1946 год